

Пурим – только факты

Еврейский праздник Пурим (от аккадского „пуру“ – „жребий“, который бросал Аман, чтобы назначить месяц истребления евреев) – установлен согласно „Книге Эстер“ („Свитка Эстер“) в память спасения евреев, проживавших на территории Персидской империи, от истребления их Аманом-амалекитянином, любимцем персидского царя Артаксеркса (Ахашвероша).

Праздник начинается 13 Адара постом Эстер, в память о посте, наложенном царицей Эстер на себя, на слуг и на всех евреев города Сузы. Праздничными днями являются 14-е и 15-е Адара, которые по постановлению Мордехая и Эстер были назначены как „дни пиршества и веселья“.

Согласно пророчеству Иеремии, должно пройти 70 лет господства Вавилона, прежде чем Б-г вспомнит о евреях; пророк Даниил же говорит, что должно пройти 70 лет со дня разрушения Иерусалима. И действительно, Иерусалимский Храм был восстановлен и освящён в 516 году до н.э. – через 70 лет после разрушения.

Пророчества библейских пророков устрасали не одно поколение монархов и их советников. В ожидании исполнения пророчества цари избегали проявлять неуважение к Б-гу евреев, боясь вызвать Его гнев. Они жили в страхе, но и в надежде на то, что разрушение Храма означает конец Его власти.

В 586 году до н.э. вавилонский царь Навуходоносор штурмом взял Иерусалим и разрушил Храм. Вавилоняне вывели из страны огромное количество пленников. Так начался для евреев великий плен, который продолжался почти 47 лет – до указа царя Кира II о возвращении и восстановлении Иерусалимского Храма в 539 году до н.э.

Со временем могучая Вавилонская держава ослабла и стала лёгкой добычей персидских царей. Навуходоносор царствовал 45 лет. Его сменил сын Авельмардук, который царствовал 23 года. Его преемник Валтасар, вступив в третий год своего правления, с трепетом считал дни по мере того, как приближался конец семидесятого года. И когда эти 70 лет, как ему казалось, истекли, Валтасар возликовал – Вавилон пережил роковой срок, и Иерусалим не был восстановлен! Согласно мидрашам, Валтасар устроил пир, вошедший в историю как образец дикой оргии, стремясь показать своё презрение к Б-гу, которого уже не боялся. В честь своего праздника он даже вынул из сокровищницы храмовую утварь, чтобы использовать её в своём необузданном пиршестве. Но Валтасар ошибся в своих расчётах, и к утру он был убит.

Согласно ТаНаХу, Дарий I предложил трон Киру II, но последний отказался. Дарий процарствовал год, а Кир – восемь лет. Таким образом, исполнилось пророчество Даниила, согласно которому, Вавилонское царство перейдёт сначала к Мидии, а затем к Персии.

Новая власть отличалась веротерпимостью. Евреи пользовались значительными правами и самоуправлением. Персидский царь Кир позволил евреям вернуться в Иудею и восстановить Храм. Для этого выделялись значительные средства из царской казны, а также возвращались храмовые ценности, которые когда-то были вывезены вавилонянами. Указ Кира был издан в 538 году до н.э.

Хотя Кир и разрешил евреям вернуться на родину, только 42 тыс. из них откликнулись на его призыв, остальные предпочли остаться в Персии. Начались работы по восстановлению Храма, несмотря на набеги враждебных племён, живших вблизи Иерусалима. В Вавилоне возродилось изучение Торы, однако даже среди наиболее выдающихся представителей народа были такие, которые спрашивали, должны ли они оставаться верными союзу с Б-гом после того, как Он лишил их возможности жить на Его земле.

В последние месяцы своего царствования Кир перевёл свою столицу в Сузы (Шушан) в земле Элам. Как раз к тому времени он изменил отношение к евреям: запретил новым группам изгнанников возвращаться в Землю Израиля. Это препятствие вызвало отчаяние в среде тех, кто уже находился в Иерусалиме, и работы, начатые с такими надеждами, были приостановлены. И всё же восстановление Храма не было запрещено, хотя встречало всё больше препятствий, а политика веротерпимости продолжалась и при наследнике Кира.

В 486 г. до н.э. персидским царём стал сын Дария I Авсир, которого греки называли Артаксерксом (Ксерксом), а евреи – Ахашверошем. Могущество нового царя „не знало границ“: в состав персидской империи входили Индия, Малая Азия, Фракия, Македония, Вавилония, Сирия, Страна Израиля, Египет и часть Аравийского полуострова. Самого Ксеркса не волновали политические вопросы, связанные с евреями и их Храмом, однако, согласно мидрашу, жена Ксеркса, царица Астинь (Вашти), внучка Навуходоносора, яростно возражала против любых попыток восстановить Храм и настаивала, чтобы Ксеркс положил конец делу, начатому Киrom. В результате царь запретил работы в Иерусалиме.

Казалось, что пророчеству о том, что Иерусалим будет лежать в развалинах не более семидесяти лет, сбыться не суждено. Согласно расчётам Ксеркса, 70 лет истекли на третий год его царствования. Это и стало, по мнению мидраша, истинной причиной 180-дневного пира, с описания которого начинается „Книга Эстер“.

Тем не менее, расчёты Ксеркса также были ошибочными. Десять лет спустя, после событий, описанных в „Книге Эстер“, Ксеркс умер, и персидский трон наследовал новый царь – Дарий II – сын Ксеркса и вавилонской наложницы Космартидены, который приказал возобновить восстановление Иерусалимского Храма.

О чём же рассказывает „Книга Эстер“? Главной героиней книги является Эстер – родственница и воспитанница еврея Мордехая, жившего в Сузах и однажды спасшего жизнь царю Ахашверошу. Когда перед царём встала проблема выбора новой жены (вместо отвергнутой им Вашти), выбор его пал на Эстер.

Один из придворных Ахашвероша, Аман-амалекитянин, был крайне раздражён тем, что Мордехай отказывался кланяться ему. Сплетя сеть интриг, Аман добился согласия царя на уничтожение всего еврейского народа: „И посланы были письма через гонцов во все области царя, чтобы убить, погубить и истребить всех иудеев, малого и старого, детей и женщин в один день, в 13-й день двенадцатого месяца, то есть месяца Адара, и имущество их разграбить“.

Узнав об этом, Мордехай потребовал от Эстер, чтобы та заступилась перед царём за свой народ. Вопреки строгому придворному этикету, нарушение которого грозило ей потерей своего положения и самой жизни, Эстер пришла к Ахашверошу без приглашения и убедила его посетить приготовленный ею пир, во время которого и обратилась к нему с просьбой о защите евреев.

Узнав подоплёку интриг Амана, Ахашверош приказал повесить Амана на той же виселице, которую Аман приготовил было для Мордехая, а в отмену указа об истреблении евреев разослан был новый указ, об их праве противиться исполнению первого: „о том, что царь позволяет иудеям, находящимся во всяком городе, собраться и стать на защиту жизни своей, истребить, убить и погубить всех сильных в народе и в области, которые во вражде с ними, детей и жён, и имущество их разграбить“. В силу этого указа евреи с оружием в руках восстали на защиту своей жизни и уничтожили множество врагов, в том числе 10 сыновей Амана. Евреи уничтожали своих врагов 12 и 13 Адара, а 14 Адара праздновали свою победу и избавление. В царской столице Сузы (Шушан) военные действия продолжались ещё один день, а празднование победы состоялось там 15 Адара. В ознаменование этих событий (спасение от истребления) у евреев был установлен праздник Пурим. Весь еврейский народ принял празднование этого дня не только для себя, но и для всех будущих поколений. Только событие первостепенной важности могло послужить основанием для такого праздника, не связанного ни с Храмом, ни с каким-либо религиозным явлением.

В эпоху Хасмонеев праздник назывался Днём Мордехая.

Ханука и Пурим не упоминаются в Торе, их празднование было установлено законоучителями. В дни праздников нет запрета на работу. В „Книге Эстер“ нет никаких ритуальных предписаний для Пурима. Говорится только о ежегодном праздновании евреями 14 и 15 Адара, причём предписывается, „чтобы их сделали днями торжества и веселья, посылая подарки другу другу и подаяние бедным“.

(Окончание на стр.4)

„Память о Холокосте необходима, чтобы наши дети никогда не были жертвами, палачами или равнодушными наблюдателями“.

И. Бауэр.

1 ноября 2005 г. Генеральная Ассамблея Организации Объединённых Наций приняла резолюцию №60/7, в которой объявила день 27 января Международным днём памяти жертв Холокоста. Эта дата была выбрана неслучайно, именно 27 января 1945 г. Красная армия освободила крупнейший нацистский лагерь смерти Аушвиц-Биркенау (Польша).

Для каждой еврейской семьи, где бы она ни жила, слово „Холокост“ означает горе, беду, истребление. В этот день мы вспоминаем трагические страницы истории нашего народа в период Катастрофы и чтим память шести миллионов наших братьев и сестёр, погибших смертью мучеников от рук нацистов и их подручных. Мы также славим подвиг тех евреев, которые с оружием в руках приближали Победу.

28 января Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Хэсэд Дорот“ совместно с городской библиотекой имени Леси Украинки провели встречу-реквием, посвящённую Международному дню памяти жертв Холокоста. В помещении читального зала библиотеки, где была развёрнута тематическая выставка книг и плакатов о Холокосте, собрались люди разного возраста – участники клубных и общинных программ, волонтеры и сотрудники Хэсада, ученики и учителя воскресной еврейской школы и школы №770 „Ор Авнер“, работники библиотеки, представители еврейских организаций города, чтобы почтить память шести миллионов евреев, уничтоженных во время Холокоста.

hesed-dorot.ch.ua

(Окончание на стр.4)

Траурные мероприятия, приуроченные к Международному дню памяти жертв Холокоста, прошли 27 января по всему миру. Состоялись они и во всех населённых пунктах Черкасской области, где есть могилы, уничтоженных евреев, или памятные знаки на местах массовых расстрелов.

Провела такой траурный митинг и еврейская община Каменки. К памятному знаку, установленному на могиле расстрелянных в период Холокоста евреев, был возложен венок. На митинге с рассказом о событиях Холокоста в Каменке выступили председатель городской еврейской общины Анатолий Верник и его заместитель Марк Бабенко. В траурном митинге приняли участие члены еврейской общины всех возрастов – от школьников до седых ветеранов.

Ту би Шват в детском саду

В этом году праздник Ту би Шват пришёлся на последний день января. В этот день в еврейской группе „Прахим“ состоялось тематическое занятие, посвящённое празднику, который дети ещё знают под названием „Новый год деревьев“.

Работая в группе, в которой собраны дети разных возрастов, мы стараемся подавать им материалы об истории и традициях праздника в доступной для них форме. Для этого мы использовали семь видов растений, которыми славится Земля Израиля, изготовленные в различной технике участниками программы „Волонтерский центр“, работающей при Черкасском благотворительном фонде „Хэсэд Дорот“. Пшеница, ячмень, виноград, финики, инжир, оливки и гранат, хоть и сделаны из холодного фарфора, бисера, связаны из пряжи или представляют собой мягкую игрушку, но выглядят совсем как настоящие. Готовясь к празднику, мы с детьми учили названия этих растений и плодов на иврите, демонстрировали мультфильмы о деревьях, видеоролики о праздновании Ту би Швата в Израиле. Особый интерес у детей вызвал мультфильм „Цветы и деревья“, в котором очень хорошо звучит идея бережного отношения к окружающей природе. Дети разучивали песни и о Ту би Швате, которые затем исполнили на праздничном занятии.

А ещё была подготовлена инсценировка „Песни о деревьях“. В сказочном лесу дружно живут, поют и танцуют деревья (старшие дети) и гномы (малыши).

Для развития у детей чувства прекрасного, при проведении занятия им было предложено украсить „сказочное“ дерево яркими цветами.

Старшие дети показали своё умение составить из букв название праздника.

Для эмоциональной разрядки детям была предложена игра, в которой надо было с закрытыми глазами определить на вкус фрукты.

Наш многолетний опыт проведения праздника Ту би Шват показывает, что детям очень нравится процесс посадки растений. Вот уже более десяти лет мы завершаем подобные мероприятия посадкой растений, когда дети с помощью воспитателей сажают разные растения, за которыми они потом будут ухаживать и наблюдать за их ростом.

Используя в нашей группе различные методы подачи материала, мы добиваемся лучших результатов обучения. Детям не скучно и они активно участвуют в учебном процессе.

Дина СТУКАЛЕНКО.

Деловые женщины эпохи Бар-Кохбы

К концу восстания Бар-Кохбы (132-135 гг. н.э.) еврейка Бабата, дочь Шимона, бежала из Эйн-Геди в компании спутников, тоже евреев. В Эйн-Геди она приехала навесить свою приёмную дочь. Бежав оттуда, она оказалась в далёкой пещере в Иудейской пустыне. Пещера находилась на высоте 200 м над дном ущелья, и попасть туда можно было только по узким ступенькам, выбитым в отвесных скалах. Подобно беженцам других времён и народов, Бабата взяла с собой самые важные бумаги, с тем, чтобы вернуть себе собственность и наладить свою жизнь, когда война закончится. Но этому не суждено было случиться: Бабата и её спутники либо умерли в пещере от голода, когда римские солдаты отрезали их от источника, откуда им поступало питание, либо были просто убиты солдатами, вторгшимися в их убежище. Но до этого она успела спрятать в глубине пещеры свой мешочек, где хранилось 35 документов, включая брачные контракты, свидетельства о собственности, судебные иски и вызовы в суд, контракты и долговые расписки. Эти документы были написаны в 94-132 гг. на набатейском арамейском, иудейском арамейском и греческом. Более 1800 лет спустя, в 1961 г., исследовательская группа, возглавляемая Игалем Ядином, израильским генералом, ставшим археологом, обнаружила мешочек с архивом Бабаты: под ногой волонтера зашатался камень, и таким образом археологи нашли тайник. В пещере оказалось ещё несколько предметов, вероятно, принадлежавших Бабате, в том числе пара сандалий, клубки ниток, два платка, ключ и два кольца для ключей, чаши, складной нож и три бурдюка.

Гораздо более известная находка Ядина в так называемой „Пещере писем” – переписка между Бар-Кохбой и его генералами Йонатаном и Масабалой. Филип Эслер в своей книге „Сад Бабаты: Папирусы Ядина и история одной еврейской семьи эпохи античности”, скрупулёзной и изобретательной реконструкции жизни Бабаты, показывает, что документы из её мешочка проливают свет на повседневную жизнь и деловые отношения евреев и набатеев, чьё мирное сосуществование было нарушено восстанием Бар-Кохбы. В отличие от большинства античных источников, написанных мужчинами и для мужчин, в документах Бабаты фигурируют преимущественно женщины: совершают сделки, продают, покупают, одалживают, выступают истцами, ответчицами и опекунами.

В центре внимания Эслера – четыре самых ранних документа из архива Бабаты. Все они написаны на набатейском арамейском и датированы 94–99 гг., то есть периодом до рождения самой Бабаты. В одном из них идёт речь о продаже сада финиковых пальм отцу Бабаты Шимону. Сделка состоялась в 99 году н.э. Легко понять, почему Бабата возила этот документ с собой: её отец, по всей видимости, передал ей сад во владение (она зарегистрировала его как свою собственность во время переписи имущества, проведённой римлянами в 127 г.). А вот в трёх других папирусах речь идёт о сделках между набатеями, на первый взгляд, не имеющими никакого отношения к Шимону или Бабате. И всё замечательное микроисторическое исследование Эслера отталкивается по сути от одного простого вопроса: почему? Почему эта женщина возила с собой документы о сделках, заключённых, казалось бы, посторонними ей людьми ещё до её рождения? И почему она сочла необходимым взять их с собой в укрытие?

Чтобы поведать историю этих четырёх документов, Эслеру нужно было реконструировать обстоятельства их появления, определить, кто подписывал эти договоры, и с какой целью. В некоторых местах сами папирусы были настолько повреждены, что, скажем, от всего слова оставалась лишь верхняя линия буквы „ламед”. Эслер проделал сложную палеографическую работу по восстановлению пропавших фрагментов текста: он сравнивал остаточные линии повреждённых букв с более чёткими примерами из других текстов, написанных тем же писцом; как правило, он приводит фото-

графии источников, с тем, чтобы читатель мог сам оценить успешность реконструкции. И, разумеется, как все хорошие исследователи античности, Эслер – мастер „медленного чтения”, он умеет выстраивать вокруг своих источников исторический и культурный контекст (читатель заодно немало узнает, например, о набатеях). Но у Эслера есть ещё один козырь в рукаве. Перед тем как стать профессором библеистики, он был юристом, и теперь он по максимуму использует этот профессиональный опыт, что даёт блестящие результаты. К примеру, он знает, что за каждым контрактом стоит юрист. Писцы, записывавшие эти документы, не просто вывели слова на папирусе – они тщательно подбирали термины, дабы минимизировать риски каждой из участвовавших в сделке сторон.

В 99 году Шимон купил пальмовый сад в Маозе, городе на южном берегу Мёртвого моря, на набатейской территории. Продавцом была набатеянка по имени Аби-адан. Договор купли-продажи определяет границы сада, устанавливает цену и права нового владельца, связанные с орошением угодий. Документ подписан продавцом, её поручителем, четырьмя свидетелями и писцом. Согласно набатейскому правовому обычаю, сам Шимон, то есть покупатель, договор не подписывал. Сделка считалась состоявшейся, когда он получал подписанный экземпляр, служивший доказательством его права владения.

Как ни странно, второй из этих четырёх документов – это ещё одна купчая на тот же сад (границы которого указаны немного иначе), датированная месяцем ранее, чем купчая Шимона. Она написана тем же писцом, продаёт сад та же Аби-адан, но продаёт она его высокопоставленному набатейскому чиновнику Архелая, сыну Абад-Аману. До сих пор учёные полагали, что продажа сада Архелая так и не была доведена до конца, что позволило Шимону купить эту землю через месяц. Но Эслер нашёл следы подписи свидетеля, а это значит, что сделка состоялась.

Что же произошло? Что бы это ни было, Шимон очевидно хотел доказать то, что Аби-адан сохранила ничем не обременённое право владения этим садом и, соответственно, может продать его вновь. Эслер предполагает, что Шимон затребовал предыдущую купчую (хоть и аннулированную) и Архелая, по-видимому, согласился её отдать. Это было важно для Шимона (а потом и для Бабаты), поскольку без этой купчей ни Архелая, ни его потомки не могли претендовать на сад.

Как показывает Эслер, Шимон принял дополнительные меры, для того чтобы защититься от возможных притязаний Архелая. Эслер заметил, что первым свидетелем на договоре купли-продажи Аби-адан с Шимоном выступил не кто иной, как Архелая. Раньше учёные предполагали, что свидетель Архелая – это просто тёзка того Архелая, который пытался купить сад Аби-адан месяцем раньше, но Эслер оспаривает это мнение, указывая на то, что греческое имя было очень необычно для набатея. Выбор Архелая в качестве свидетеля был, по-видимому, ещё одним способом для Шимона обезопасить себя от возможных претензий с его стороны. Архелая (и его наследникам) было бы нелегко оспорить правомочность сделки, на которой он сам выступал свидетелем.

Но если сделка самого Архелая с Аби-адан действительно состоялась, то почему же последняя стала вновь продавать сад месяц спустя, и как ей это удалось? Эслер предполагает, что вскоре после покупки сада Архелая неожиданно испытал острый дефицит наличных средств, и ему не оставалось ничего другого, кроме как попросить Аби-адан аннулировать сделку. Одна деталь в самом раннем из этих четырёх документов, которую прежние исследователи едва достаивали внимания, подкрепляет догадку Эслера.

Самый ранний документ из мешочка Бабаты – это договор о займе, составленный в 94 году, за пять лет до покупки Шимоном сада Аби-адан. Набатейская женщина по имени Абат-Иси давала в долг своему мужу Мукиму крупную сумму

из своего приданого. Это был беспроцентный заём сроком на два года, по истечении которых применялась „обычная” процентная ставка (20 лет спустя, в Набатее стандартная ставка была 9%). Поручителем в том, что Мукиму выплатит заём, выступал некий Абад-Аману. Эслер считает, что Мукиму и Абад-Аману занимали деньги с тем, чтобы вложить их в сельскохозяйственный бизнес. Если бы дела пошли хорошо, они смогли бы покрыть долг за счёт полученной прибыли в течение первого двухлетнего срока. В противном случае, условия займа позволяли Мукиму с партнёром взять в долг ещё одну большую сумму из приданого Абат-Иси, опять же без процента и на два года. Но тут была одна хитрость: Абат-Иси могла потребовать вернуть долг в любой момент по истечении первых двух лет.

Простое ли совпадение, что поручителя и партнёра Мукиму звали так же, как отца Архелая, – Абад-Аману? Вряд ли это случайность, иначе бы какую ценность имел этот документ для Бабаты? А теперь предположим, предлагает Эслер, что отец Архелая Абад-Аману умер как раз в тот момент, когда Абат-Иси потребовала от своего мужа и его партнёра вернуть долг. Тогда Архелая неожиданно и срочно потребовалась бы большая сумма денег. И тогда бы он аннулировал сделку с Аби-адан, вернув ей сад, который та затем продала Шимону, а тот передал его своей дочери Бабате, которая впоследствии, убегая от римлян, взяла с собой все эти документы.

Кое-где допущения Эслера не могут не вызвать определённой критики. К примеру, действительно ли Шимон заставил или упрямил Архелая, сына Абад-Аману, чья сделка с Аби-адан была аннулирована, выступить свидетелем на его сделке? Этот ход был бы очень мудрым решением, но мы не можем знать наверняка, действительно ли Шимон его сделал, поскольку подпись Архелая на купчей Шимона повреждена. Остались лишь слова: „Архелая, сын...” Проблема в том, что нечитаемое имя отца состоит всего из трёх букв, а это значит, имя Абад-Аману сюда не помещается. Эслер вынужден предположить, что Архелая подписался, используя трёхбуквенное имя отца – его старый армейский псевдоним. Эту версию нельзя отвергнуть, но нельзя и подтвердить. Нет никаких свидетельств того, что у Абад-Аману был армейский псевдоним; мы даже не знаем, был ли он военным! Но, несмотря на эти отдельные сомнения, история, которую рассказывает Эслер, вполне убедительна, хотя местами ей и не хватает доказательств.

Должно быть, Абат-Иси было нелегко наблюдать за тем, как бизнес её мужа прогорал, ведь она знала, что вместе с ним пропадает её приданое, её единственный источник пропитания в случае вдовства или развода. И она решила взыскать долг. (Как показывают другие документы, сама Бабата впоследствии окажется точно в такой же ситуации).

И это смелое личное и деловое решение одной набатейской женщины – Абат-Иси – заставило набатейского чиновника Архелая потребовать от другой деловой набатейки – Аби-адан – аннулировать сделку по покупке им её сада. Та согласилась, возможно, потому, что у неё уже был на примете другой покупатель, а именно Шимон. А Шимон передал этот сад вместе с его запутанной юридической историей своей предприимчивой дочери Бабате.

Все эти перипетии истории, которую Эслер рассказывает в своей книге, превращают последнюю в детективный роман, но на самом деле самое удивительное в ней – это люди, в чей мир мы получаем возможность заглянуть. Женщины, по крайней мере, состоятельные еврейские и набатейские женщины, оказываются крупными финансовыми игроками в этом мире. Они покупают и продают собственность, финансируют начинания, из которых надеются извлечь выгоду, а когда их ожидания не оправдываются, защищают свои интересы, идя на судебный и семейный конфликт. Находчивость и предусмотрительность Бабаты вместе с историко-юридическим анализом Филипа Эслера приоткрыли для нас удивительный мир социальных отношений эпохи античности; эта книга опровергает наши прежние представления и показывает необходимость дальнейших исследований.

Элизабет Шенкс АЛЕКСАНДР.

Женщины в Торе

В Торе есть и прямой, и скрытый смысл. Прямой текст рассказывает о мужчинах и женщинах, войнах и чудесах. Скрытая часть наполнена глубокой мудростью, красотой и бесконечным светом. На первый взгляд, женщины в Торе играют второстепенную роль, уступая место мужчинам. Но на самом деле ситуация обстоит таким образом, что мужчины действуют под влиянием женщин. Царь Шломо говорил: „Храбрая женщина – корона своего мужа”. А поскольку корона находится на голове, возвышаясь над ней, то внутренний смысл женской сущности приобретает высший смысл, недоступный для мужчины.

1) Хава. „И нарёк человек имя жене своей Хава, ибо она была матерью всего живущего”. Хава была другой частью отображения образа Творца. Создатель – это не бесконечный свет, не имеющий ничего общего с земным. Он присутствует здесь и сейчас, в каждом из Своих творений, даря им жизнь, наполняя их смыслом. Что касается Хавы, то она была олицетворение Шхины – Божественного присутствия в этом мире.

До тех пор пока в мире всё остаётся на своих местах, Шхина не проявляется, и Хава тоже играет второстепенную роль. Её муж обеспечивает жизнь семьи, а она заботится о доме. Но придёт время, и раскроется тайна Внутреннего Света.

2) Сара. „Всё, что Сара тебе скажет, слушайся голоса её”, – говорит Вс-вышний Аврааму. Первой женщиной, поборовшей грех Хавы, стала Сара. Она попала во дворец к фараону, дала ему отпор и вернулась к мужу. Именно Авраам настоял на том, чтобы Сара пошла к фараону. Сам он на такой поступок способен не был. Роль мужчины как раз заключается в том, чтобы раскрыть потенциал женщины, без которой у него нет связи со Шхиной. Соответственно, без помощи мужчины женщина не может стать источником Шхины.

3) Ривка. „Лей... и для верблюдов твоих начерпай”. С этими словами Ривка стала невестой Ицхака и праматерью двух великих народов. И случилось это не только благодаря единственному поступку, но и из-за стремления делать добро от всей души.

4) Рахель и Лея. Рахель – олицетворение Шхины. Она заботится о своих детях даже будучи в разлуке с ними, потому что твёрдо знает, что они вернутся. Её сестра Лея тоже мать, и тоже символизирует

Шхину. Но её мир скрыт, неясен. Рахель – мир ясных слов и поступков. А Лея слишком далека от забот этого мира, но именно она праматерь большей части колен народа Израиля.

5) Серах. Когда сыновья Якова вернулись домой с печальной вестью о Йосефе, они боялись, что отец не поверит им. Серах, дочь Ашера, взяла арфу и встала с ней у шатра Якова. Она начала петь песню о Йосефе и его странствиях, и каждый куплет заканчивала словами „...и Йосеф жив”. „Да! – воскликнул её дед. – Йосеф жив!” Только тогда сыновья набрались смелости и заговорили с отцом.

В этот момент Яков благословил жизнь Серах. Она прожила много лет. Так много, что удостоилась чести показать Моше Рабейну гробницу своего деда. Более того, во времена царя Давида она спасла город Абеля. И она живет до сих пор, став одной из немногих праведников, попавших в рай при жизни.

6) Мирьям. „И встала поодаль сестра его, чтобы узнать, что с ним случится”. Девочка стояла в кустах у реки, наблюдая за своим младшим братом. Её звали Мирьям, она была сестрой Моше Рабейну. Именно её заслугой стало то, что еврейский народ освободился из египетского рабства. А заслугой всех женщин станет то, что наш мир освободится от тьмы.

7) Двора. „Они окружили города Израиля и захватили их до тех пор, пока не появилась я, Двора; я восстала как мать Израиля”. К этой мудрой женщине, пророчице, шли за советом все сыны Израиля, ища в ней опору и надежду. Она пришла к могучему воину Барак и призвала его вести битву против угнетателей своего народа. Но Барак отказался идти на бой без Дворы, за что она высмеяла его. Двора понимала, что сила заключается не в битве и победе, а в даровании жизни, добре и вере.

8) Рут. „Куда ты пойдешь – туда пойду и я. И где ты заночуешь – там заночую и я. Твой народ – это мой народ, и твой Б-г – мой Б-г”. История Рут наглядно показывает, как заблудшие души возвращаются в свой дом. Они проходят сложный путь, полный лишений и невзгод, но достигают желаемого.

9) Батшева. Есть души, ищущие свою половину на протяжении всей жизни и находящие её с помощью высших сил. Другие пробивают дорогу в жестокой битве, находят секретные пути и добиваются своего. Именно так и стал союз Батшевы и Давида, от которого она родила Шломо, построившего священный храм.

10) Эстер. „И пойду к царю, хотя это против закона. А если погибнуть мне суждено, то погибну”. Эта женщина скрывала свой потенциал до тех пор, пока не пришло её время. Она была подобна утренней звезде, которая возникает на небе в самый тёмный момент ночи. Раскрывшись, Эстер спасла еврейский народ от неминуемой гибели, став символом освобождения.

Подвиги красоты Мэри

Американка Мэри Джейн Голд была хороша собой и богата. Она красиво прожигала жизнь на курортах Европы, пока в мае 1940-го по дороге из Парижа в Марсель не увидела еврейскую девочку, которую выволокли из поезда нацисты.

В течение следующих 13 месяцев ей удалось вывезти в США более двух тысяч евреев. Возглавлявший миссию „американский Шиндлер“ Вариан Фрай позже называл список спасенных не иначе как „списком Мэри Голд“.

После окончания Второй мировой войны она, урожденная американка, переехала во Францию и поселилась в большом и уютном доме на французской Ривьере. Там она тихо и спокойно прожила всю оставшуюся жизнь, созерцая мирный Лазурный берег, бывший когда-то для неё настоящим полем битвы за еврейские жизни, за будущее людей, которых она переправляла в Америку, спасая от нацистов. Имя Мэри Джейн Голд, ушедшей из жизни 5 октября 1997 года, конечно, куда менее известно, чем имя Вариана Фрая, признанного Праведником народов мира за спасение евреев в годы немецкой оккупации Франции. Она была лишь одной из помощниц Фрая, которого называют американским Шиндлером за спасение более чем двух тысяч евреев, вывезенных из оккупированной немцами Франции. Только вот сам Вариан Фрай называл этот список спасенных не иначе как „список Голд“, благодаря финансовой поддержке которой и удалось спасти эти тысячи жизней.

Итак, после вторжения немецкой армии на территорию Франции и шестинедельного сопротивления нацистским захватчикам, в июне 1940-го Париж пал с подписанием французским правительством пакта о капитуляции. Франция, как известно, была разделена на две части, одна из которых вместе с Парижем была оккупирована, а другая, южная с центром в городе Виши, управлялась правительством коллаборационистов маршала Петена. Один из пунктов пакта о капитуляции требовал высылки в Германию евреев и антинацистски настроенных граждан других национальностей.

В связи с этим тысячи людей, в первую очередь, евреев, в том числе беженцев из разных стран, до этого укрывавшихся в Париже, бежали в „свободную“ южную часть страны, надеясь найти там спасение или возможность эмигрировать в Америку. Вот только на месте оказалось, что вишистское правительство не только не торопилось оказывать им помощь в выезде из страны, но и, ревностно исполняя все распоряжения нацистов, наоборот, активно разыскивало по всей стране учёных, художников, писателей, значившихся в „чёрных списках“ нацистов.

Когда же от чудом добравшихся до Америки первых беженцев американским властям стали известны фамилии этого „чёрного списка“, то пусть не сразу и со скрипом, но были собраны деньги и получены разрешения на выдачу срочных виз. С этим списком из двухсот имен и тремя тысячами долларов на организационные расходы по их переправке в Штаты в августе 40-го в Марсель прибыл непримиримый антифашист Вариан Фрай. Марсель в то время был центром сосредоточения многих беженцев, отчаянно пытавшихся получить визы в американском консульстве. Естественно, их было куда больше, чем двести человек – их были тысячи. По прибытии же Фрай понял, что вывезти даже тех, за кем он приехал, в одиночку не получится: визы не принимали без французского разрешения на выезд, которое, в свою очередь, основывалось на одобрении нацистов. В такой обстановке без верных помощников и единомышленников Фраю было не обойтись. Помощь Фраю окажут десятки людей, и каждый из них заслуживает отдельного восхищения. Одной же из первых пришедших на помощь была Мэри Джейн Голд.

Родилась она в 1909 году в очень богатой семье в Чикаго. Откровенно говоря, в жизни юной Мэри не было не то что глобальных, но и мало-мальски актуальных для большинства людей целей. Все они уже давно были достигнуты отцом семейства, состояние которого оценивалось в неприлично больших суммах. А потому, лишь только окончив школу и не видя смысла в получении дальнейшего образования, красotka Мэри Джейн сосредоточилась на том, чтобы прожигать свою жизнь красиво. В 20 лет она переехала в Европу и, ненадолго остановившись на отдых то в Лондоне, то в Париже, месяцами путешествовала на пилотируемом собственном самолёте, живя в самых роскошных отелях. Так продолжалось целое десятилетие, пока в мае 40-го, вернувшись после очередного посещения очередного курорта в свою парижскую квартиру, „золотая“ девочка не поняла, что настало время покидать охваченную войной Францию и возвращаться в Америку. Уже на следующий день она оказалась на переполненном вокзале в ряду тысяч других людей, покидавших Париж в надежде спастись от немецкой армии.

Мэри Голд направлялась в Марсель, намереваясь отсюда начать свой путь к берегам Америки. Документы её были в полном порядке, место на корабле тоже уже было давно забронировано. Но по дороге в Марсель проводившая до этого время в богемных и знатных кругах девушка обратила внимание на людей обычных. Увидела, как на каждом контролируемом фашистами пропускном пункте от этих людей отделяют группы, которым уже было не суждено продолжить путь. В большинстве своём это были евреи. Много позже в своих мемуарах она признается, что, несмотря на благодарность сотен тех, кому она помогла, её каждый раз охватывает чувство вины, когда в памяти всплывают слёзы маленькой еврейской девочки, которую фашисты нашли спрятанной между сумок и, не дождавись ответа на вопрос: „Чей ребёнок?“, – вывели из поезда.

«Вино себя до сих пор, что не выкрикнула тогда: „Мой!“, не вырвала её из их рук и не прижала к себе, – говорила она. – Не сделала даже попытки спасти её, сама мысль об этом пришла уже с опозданием, когда я смотрела на неё уже через окно вагона». Возможно, взгляд этой девочки и толкнул Мэри Джейн на дальнейшие подвиги. В Марселе у

ворот американского консульства Голд увидела уже сотни еврейских детей, в толпе безнадежно пытавшихся получить разрешение на выезд из Франции. Там же, в Марселе

она познакомилась и с Варианом Фраем и, узнав о его миссии, тут же присоединилась к поиску тех 200 человек, на чьи имена были выданы визы. В основном, это были люди искусства: скульптор Жак Липшиц, художник Марк Шагал, философ Ханна Арендт и другие. Когда же

все они были найдены и переправлены за пределы Франции, речи о прекращении работы даже не шло.

Список наполнился новыми фамилиями, известность которых не имела никакого значения и не требовала утверждения кем-либо. Финансирование же этой деятельности Мэри Джейн практически полностью взяла на себя. Это она сняла большую виллу в пригороде Марселя, где прятались люди, ожидающие отправки из города. Это она подкупала консульства разных стран, выдававшие за деньги паспорта без лишних вопросов. Даже с марсельскими гангстерами, переправлявшими евреев через границу лишь по им известным контрабандным каналам, вела переговоры именно она, она же и оплачивала их „услуги“.

Работа в сотрудничестве с Варианом Фраем, за время которой в Америку удалось отправить более 2000 евреев, продолжалась вплоть до ноября 1941 года. Потом Фраю отказали в продлении международного паспорта, и ему пришлось вернуться в Нью-Йорк. Много позже правительство США признает, что деятельность Фрая и его команды не получила в то время должной государственной поддержки. Что касается Мэри Джейн Голд, то, вернувшись в Америку, она не только не требовала признания своих заслуг, но даже и не рассказывала об этих 13 месяцах работы в Марселе. Не искала она славы и во Франции, куда переехала сразу же после окончания войны. Свои мемуары она опубликовала лишь в 1980 году под заголовком „Марсельский перекрёсток 1940 года“. В них она не стала затрагивать вопрос о потраченных ею суммах, ни подсчитывать точное количество спасенных с её помощью. Подробности всего уже и так будут давно известны со слов Вариана Фрая, выпустившего свою первую книгу ещё в 1942 году. Просто станет окончательно ясно, кому сам Фрай посвящал особые слова благодарности и почему он, Праведник мира, называл список спасенных не иначе как „списком Голд“.

Источник: isralove.org

Партизанка Варшавского гетто

По ночам она украдкой кормила измученных детей в Варшавском гетто, а после – до утра тренировалась, чтобы устроить им побег. Через два года ей удалось сбежать и вывести из гетто многих евреев. Но сама Зофья Ямайка трагически погибла, до конца сдерживая пулеметной очередью наступление немцев. Своим героизмом она спасла жизнь десяткам других партизан.

Она родилась и выросла в Варшаве в хасидской семье, её родители были видными людьми в еврейской городской общине. Редкая фамилия, согласно исследователю Александру Бейдеру, была распространена только в области Варшавы и только среди евреев. Она происходит от польского слова jamajsa – как можно догадаться, это переводится как „ямайский ром“. Бейдер предполагает, что предком людей, носящих эту фамилию, был торговец, продававший ром, или, возможно, это было прозвище кого-то, кто очень любил этот вид алкоголя. Сейчас, по всей видимости, в Польше не осталось никого с этой фамилией.

Ещё до того, как пришла война, Зофья выделялась среди своих сверстников. Она вступила в молодёжное коммунистическое движение „Спартак“, которое активно выступало против растущего фашистского движения в Европе. После оккупации Варшавы немцы запретили движение, и оно ушло в подполье. Как и некоторые другие политические организации, „Спартак“ стал одним из главных центров польского сопротивления. Организация печатала антифашистские листовки и распространяла их по Варшаве в условиях непрерывной опасности – немецкие войска были повсюду. Несмотря на угрозу смерти, Зофья оставалась активным членом движения и во многом благодаря её инициативе „Спартак“ продолжал свою работу.

В 1940 году немецкое командование объявило о создании гетто. До войны в Варшаве жило больше 350 000 евреев – это около 30% населения города. Почти всех их согнали на территорию размером меньше 3,5 км². Из 1800 варшавских улиц в гетто вошло только 73 – это всего лишь 2,4% от площади города. Люди жили по шесть-семь человек в одной комнате без электричества, отопления и канализации. Парков и зелёных зон на территории гетто не было, и маленьким детям уже через несколько месяцев было сложно объяснить, что такое поле и лес. В этих условиях оказалась и семья Зофьи. Несмотря на то, что после оккупации Варшавы ей пришлось уйти из школы, она продолжала обучение подпольно – в городе и в гетто нелегально действовали школы, и Зофье даже удалось закончить обучение.

В гетто Зофья стала тренироваться в группе „Спартак“, где готовили бойцов сопротивления – их учили сражаться и стрелять из оружия, ввезённого в гетто партизанами. Она была спортивной девушкой и быстро стала лидером группы из пяти человек. Зофья хотела присоединиться к партизанам, чтобы сбежать, но её побег мог поставить под угрозу жизнь родителей, поэтому почти два года она жила в гетто.

Жизнь в гетто тем временем становилась всё хуже, люди умирали от истощения. Появились домовые комитеты – волонтерские организации, помогающие жителям одного двора. Зофья стала во главе одного из таких комитетов и заботилась о детях: их кормили бесплатным супом и помогали с другими нуждами. Вскоре домовые комитеты стали не только раздавать еду, но и организовывать хоть какой-нибудь досуг: ставили пьесы и устраивали литературные чтения, пытались дать детям хотя бы частичное образование. Большинство из

перечисленного запрещалось нацистами.

В июле 1942 года началась массовая депортация евреев из гетто. Их собирали на площади Умшлагплац, разрешали взять с собой еду и вещи и в товарных вагонах отправляли в лагерь смерти Трешлинка. На платформе, куда прибывали евреи, даже висело расписание уходящих и приходящих поездов, но оно было фиктивным – из Трешлинка никто не уезжал. Большинство прибывших сразу отправляли в газовую камеру и умерщвляли. Среди первых погибших были и родители Зофьи.

Вскоре после их депортации Зофья вместе с партизанами помогла маленькой группе евреев сбежать из гетто. Вырвавшись, они ждали польского курьера, который отвёл бы людей в лес, но тот предал их. Зофья и остальных поймали немецкие солдаты. Удивительно, но их не расстреляли на месте, а отправили в Трешлинку. Чудесным образом Зофье удалось опять сбежать – она прыгнула с движущегося поезда и притворилась мёртвой. Более того, она умудрилась добраться до Варшавы одна и без каких-либо документов. Там ей помогли члены подполья – так у Зофьи появилась фальшивая личность и необходимые бумаги.

В Варшаве Зофья продолжила работу на Сопротивление. Она писала для подпольной газеты, которую публиковала Гвардия Людова – военная организация Польской рабочей партии. Здесь девушку снова ждало предательство – её арестовали и отправили в тюрьму Павяк, где содержались члены сопротивления и политические заключённые. Зофья снова могла ждать депортация в лагерь смерти, но немцы не раскрыли её национальность – у нее были арийские документы, и она притворялась католичкой. Она провела в тюрьме три месяца и оказалась на свободе, но вернуться в подполье не смогла – слишком велик был риск снова быть пойманной.

Вскоре Зофье повезло – она случайно встретилась с другой еврейской девушкой, тоже скрывающейся под личиной польской католички. Та помогла ей покинуть Варшаву и присоединиться к группе партизан. Они базировались под Радомом, небольшим городом в ста километрах от Варшавы. Сначала Зофья была связным между партизанскими группами, которые занимались разведкой и саботажем среди немецких войск: пускали под откос поезда, портили военное оборудование, нападали на солдат Рейха. В ходе своих атак партизанам удавалось захватить нацистских шпионов, пытавшихся проникнуть в партизанское сообщество. Зофья перешла в специальную группу, которая занималась ликвидацией этих шпионов. Очень быстро она получила награду генштаба за храбрость и стала ценным бойцом.

В феврале 1943 года, спустя полтора года после её побега из гетто, партизаны устроили атаку на немецкую полицию – это позволило полякам, которых использовали как рабов, бежать. Немецкое командование ответило рейдом и смогло обнаружить отряд партизан, среди которых была Зофья. Их было 50 человек против 300 нацистов – победить было практически невозможно. Тогда Зофья и ещё двое поляков вызвались остаться и прикрыть отход группы.

Зофья заняла свою позицию рядом с пулемётом. Она позволила немцам подойти на 2,5 метра и начала стрелять. Вместе с товарищами Зофья сражалась, пока всех их не убили. После её смерти даже немцы признали храбрость девушки – они приказали местным жителям похоронить её достойно, „с уважением“. Благодаря поступку Зофьи и других партизан весь отряд смог уйти от преследования. Зофье было 18 лет. Спустя 20 лет Зофья была посмертно награждена орденом „Виртути милитари“ (орден воинской доблести), одной из самых почётных воинских наград в Польше.

Виктория ЧАРОЧКИНА.

Тётя Миня – всемирная сваха

Мина Моисеевна, или попросту тётя Миня, была соседкой по квартире моего друга, режиссёра с киностудии имени Горького. Он нас и познакомил:

– Мина Моисеевна, – сказал он, – знаете, кто это? ...Это Хайт!

– Так что, – спросила она, – мне встать по стойке „смирно“ или пойти помыть шею?

– Не надо, – сказал я. – Можете ходить с грязной.

– О, какой язвительный молодой человек! Жалко, я не знала, что у меня будет такой важный гость. Купила бы чего-нибудь особенного к чаю. Вы, кстати, чай будете без какого варенья: без вишневого или без клубничного?

– Если можно, то без малинового.

– Пожалуйста! У меня всё есть.

Насчёт варенья она, конечно, хохмила. Нашлось у неё и варенье, и печенье, и конфеты – как это водится в приличном еврейском доме. Вот иногда видишь человека всего пять минут, а такое ощущение, что знаешь его всю жизнь. Точно такое же чувство возникло у меня после встречи с Миной Моисеевной.

Когда я вижу сегодня на сцене Клару Новикову с её тетей Соней, для которой пишут лучшие юмористы, я всегда думаю: а как же тётя Миня? Ведь ей никто не писал, она всё придумывала сама.

Помню, сидим мы с ней, беседуем. Вдруг – телефонный звонок. Кто-то ошибся номером. Громкий мужской голос, который слышу даже я, кричит: „Куда я попал?“

– А куда Вы целились? – спрашивает тётя Миня.

Хотя в душе она была 100% еврейкой, терпеть не могла разговоры, какие мы все потрескавшие умные.

– Ай, не морочьте голову, вот Вам мой племянник, дофке еврей, – тупой, как одно место. Кончил в этом году школу – и что? С его знаниями он может попасть только в один институт – в институт Склифосовского!

Я иногда начинал её дразнить: „Но мы же с вами избранный народ!“

– Мы – да! Но некоторых евреев, по-моему, избирали прямьм и тайным голосованием, как наш Верховный Совет.

Теперь пришла пора сказать, кем же была тётя Миня. Она была профессиональной свахой. Сегодня, в эпоху брачных объявлений и электронных связей, эта профессия кажется ушедшей. Но только не для тех, кто знал Мину Моисеевну.

– Человек должен уметь расхвалить свой товар, – говорила она. – Реклама – это большое дело. Посмотрите, когда курица несёт яйцо, как она кричит, как она кудачет. А утка несёт тихо без единого звука... И результат? Куриные яйца все покупают, а про утиные никто даже не слышал. Не было звуковой рекламы!

Не знаю, как она рекламировала своих женихов и невест,

но клиентура у неё была обширная, телефон не умолкал с утра до вечера. Было сплошным удовольствием слушать, как она решает matrimониальные дела.

– Алло! Что? Да, я вас помню, Володя. Так что Вы хотите? Чтоб она была молодая, так, красивая, и что ещё? Богатая. Я не поняла, Вам что, нужно три жены? Ах, одна! Но, чтоб она всё это имела. Ясно. Простите, а что вы имеете? Кто Вы по профессии? Учитель зоологии? Хорошо, звоните, будем искать...

– Алло! Кто говорит? Роза Григорьевна? От кого Вы? От Бучхеса. Очень приятно. А что Вы хотите? Жениха? Для кого, для дочки? Нет? А для кого, для внучки? Ах, для себя! Интересно. Если не секрет, сколько Вам исполнилось? Тридцать шесть? А в каком году?... Хорошо, хорошо будем искать... Может быть, что-то откопаем.

– Алло, это Яков Абрамович? Хорошо, что я Вас застала. Дорогой мой, мы оба прекрасно знаем, что у вас ужасная дочь, которая не даёт вам жить. Но всё равно, когда я привожу жениха, не надо ему сразу целовать руки и кричать, что он ваш спаситель. Они тут же начинают что-то подозревать!

Когда Мине Моисеевне исполнилось 75, она приняла самое важное решение в своей жизни – уехать в Израиль. Все подруги по дому дружно её отговаривали: „Миночка, куда Вы собралась на старости лет? Жить среди незнакомых людей!“

– Я вот что подумала, – сказала тётя Миня, – лучше я буду жить среди незнакомых людей, чем среди знакомых антисемитов!

И она уехала. Тихо, незаметно, никому ничего не сказав. Тогда в аэропорту „Шереметьево“ фотографировали всех провожающих, и она не хотела, чтобы у нас были неприятности после её отъезда. Прошли годы, многое в мире изменилось. Советский Союз установил дипломатические отношения с Израилем – и я впервые оказался на Святой земле.

Я сразу же попросил своих друзей отыскать Мину Моисеевну, если она ещё жива, а если нет – хотя бы узнать, где она похоронена.

На следующее утро чуть свет в моём номере зазвонил телефон: „Алло! Это великий русский писатель Шолохов-Алейхем?“

– Тётя Миня! – заорал я. – Это Вы?

– Ну да! Что ты так удивился, будто тебе позвонил Ясир Арафат?

Через пару часов я уже завтракал в её квартире, точь-в-точь копии московской: те же занавески на окнах, те же фотографии на стенах, такой же маленький телевизор, по которому шли всё те же наши передачи.

– Ничего не меняется, – сказала она, перехватив мой взгляд. – Всё как было. Даже профессия у меня та же.

Еврейская майса

– Как? Вы и здесь сваха?

– Почему нет? Здесь тоже надо соединять женихов и невест. Как говорится, сводить концы с концами.

Дальнейшая часть дня проводилась под аккомпанемент сплошных телефонных разговоров тёти Мины:

– Алло? Слушаю!.. Да, я Вас помню. Вы хотели невесту с хорошим приданым. Там вот, можете открывать счёт в банке „Хапоалим“ – я вам нашла невесту. За нее дают 50 тысяч шекелей. Что Вы хотите? Посмотреть её фото? Милый мой, за такие деньги я фото не показываю. Получите приданое, купите себе фотоаппарат и снимайте её, сколько влезет!

– Алло? Бокер тов, геверет! – и тётя Миня затараторила на иврите, как пулемёт. – Ненормальная румынская еврейка, – сказала она, положив трубку. – Денег полно – и она сходит с ума. Не хочешь блондина, не хочешь брюнета, подавай ей только рыжего! Откуда я знаю, почему? Может, у неё спальня красного цвета, хочет, чтоб муж был точно в цвет!

– Алло? Ша, что Вы кричите? Кто Вас обманул? Я Вам сразу сказала, что у неё есть ребенок. Какой позор?.. В чём позор?.. Ах, ребёнок родился до свадьбы! Так что? Откуда ребёнок мог знать, когда свадьба?..

А я сидел, слушал все это и умирал от счастья и восторга! Потому что за окном был Тель-Авив, потому что рядом была тётя Миня, потому что, слава Б-гу, есть то, что в нашей жизни не меняется.

Не знаю, может это звучит немного высокопарно, но для меня тётя Миня олицетворяет весь наш народ: тот же юмор, та же деловая жилка, скептическое отношение ко всему и удивительная жизненная сила. Всё, что позволило нам выжить в этом кошмарном мире!

Порой мне кажется, что брось тётю Миню в тундру в тундру, в тайгу – и уже через пару дней она будет ходить по чумам, сватать чукчей и эскимосов:

– У меня для Вас потрясающая невеста! Она даже не очень похожа на чукчу, скорее на японочку. Какое приданое?... Какие олени?... Нет, он сошёл с ума! Я ему предлагаю красотку, а он хочет оленей. Да Вы только женитесь – и у вас рога будут больше, чем у оленя!

Сегодня тёти Мини уже нет на земле. По нашему обычаю, умершим нельзя приносить цветы, но никто не сказал, что им нельзя дарить рассказы. Я написал его в память Мины Моисеевны и жалею только о том, что она его не услышит. Иначе она бы непременно сказала:

– Между прочим, про меня мог бы сочинить и получить! К тому же ты забыл вставить мою главную фразу о том, что надо уметь радоваться жизни. Обязательно напиши: „Пока жизнью недоволен – она и проходит!“. Так всегда говорила я, простая еврейка, которая соединяла людей по парам.

Аркадий ХАЙТ.

Пурим – только факты

(Окончание. Начало на стр. 1)

Главная часть празднования – публичное чтение „Свитка Эстер“ во время вечерней и утренней молитвы в синагоге. Во время чтения свитка при произнесении чтением имени Амана присутствующие поднимают шум топаньем ног, свистом, специальными трещотками и т.п., выражая таким образом ненависть и презрение к памяти злодея. Прототипом подобной формы выражения презрения является введённый французскими и немецкими евреями в 13 в. обычай ударять друг о друга двумя камнями, на которых начертано имя Амана, до тех пор, пока имя не стиралось (в соответствии с предписанием Торы: „Ты должен стереть память Амалека“). Обычай поручать детям шуметь трещоткой был издавна принят и в России. Раввины, однако, неоднократно протестовали против такого непристойного поведения в синагоге.

Пурим – весёлый праздник, в который принято пить вино. По словам Талмуда, нужно пить до тех пор, пока человек не перестанет различать, произносит ли он проклятия Аману или благословения Мордехая. Некоторые законоучители, однако, возражали против буквального понимания этого предписания.

На праздник пекут особое треугольное печенье со сладкой начинкой (обычно – маком или вареньем), называемые гоменташ или „уши Амана“. В Пурим принято приносить друг другу сладости и сладкую выпечку (на иврите – „мишлоах манот“, на идиш – „шалахмонес“ – букв. „посылка яств“) и давать деньги нуждающимся.

Пурим – карнавалый праздник. Особый жанр этого праздника – пуримшпиль (на идиш – „пуримское представление“), исполняемый одним или несколькими актёрами во время праздничной трапезы. Первоначально такие представления были просты и коротки, однако уже в начале 18 в. эти представления постепенно превратились в драматические постановки с многочисленными ролями, музыкальным сопровождением и текстом в несколько тысяч рифмованных строк. Пуримшпили разыгрывались в публичных местах, и со зрительней визмалась плата. Тем не менее, пуримшпили всегда сохраняли связь с „Книгой Эстер“ и разыгрывались только на Пурим. Под влиянием итальянского карнавала вошло в обычай рядиться на Пурим, причём мужчинам разрешено переодеваться в женское платье и наоборот (что в обычной ситуации категорически запрещено еврейским законом).

В наше время лишь в двух городах Пурим празднуется только 15-го адара, то есть, как Шушан Пурим: эти города – Шушан и Иерусалим. Существует несколько городов, древность которых даёт основания для сомнения, в них празднование Пурима проходит два дня – 14-го (сам Пурим) и назавтра, 15-го (уже Шушан Пурим). При этом, хотя все заповеди праздника выполняются дважды, основным считается первый день, когда Пурим празднуется по всему миру. К таким городам с двойным Пуримом относятся древние города Земли Израилля Яфо, Тверия, Хеврон, Цфат, новое поселение Силом, построенное на месте старого еврейского города, Измир в Турции, Халеб в Сирии и Багдад в Ираке. Существует традиция, которая отождествляет древний Шушан (Сузы) с современным иранским городом Хамадан, где находятся и могилы Эстер и Мордехая.

При принятом устройстве еврейского календаря, Пурим никогда не выпадает на субботу, а вот Шушан Пурим – бывает. При этом в Иерусалиме, где празднуют лишь Шушан Пурим, заповеди Пурима распределяются на три дня: от пятницы и до воскресенья. Такое празднование Пурима носит название Пурим мешулаш – Тройной Пурим.

В Талмуде высказывается мнение, что когда все книги Пророков и Писания будут забыты, „Книга Эстер“ не забудется и праздник Пурим не потеряет своего значения. Утверждается даже, что Пурим столь же велик, как тот день, в который Тора была дана на горе Синай.

(Окончание. Начало на стр. 1)

Стихи о страшных событиях Холокоста, видеоряд из воспоминаний бывших узников гетто и концлагерей, фрагменты фильма Павла Чухрая „Мы из бездны“ звучали как напоминание нам, живущим сегодня, о людях, которые были уничтожены только потому, что были евреями.

Подростки из еврейской общины города зажгли 6 свечей в память о шести миллионах евреев, погибших в огне Холокоста.

Председатель объединённой городской еврейской общины Давид Летичевский прочитал поминальный Кадиш по жертвам Катастрофы, а все присутствующие почтили их память минутой молчания.

Одна из поминальных свечей на этой встрече была зажжена в память о людях, которые, рискуя своей жизнью и жизнями своих близких, спасали евреев от фашистской чумы. На мемориальном вечере вспомнили и о черкасской Праведнице народов мира Александре Максимовне Шулежке, которая спасла от неминуемой смерти во время фашистской оккупации 25 еврейских детей. Подростающее поколение обязано знать имена таких героев. С 2017 года имя Александры Максимовны увековечено не только на Стене Праведников в Иерусалиме, но и в нашем родном городе Черкассы – ей присвоено звание „Почётный гражданин города Черкассы“, а портрет Александры Максимовны теперь находится в галерее Почётных граждан Черкасс.

Исторические трагедии повторяются, когда общество начинает забывать о них. Поэтому ни зверства фашистов, ни ужас концлагерей не должны быть преданы забвению, сколько бы лет ни прошло с тех пор.

Галина ПОЛЬСКАЯ.

Милые женщины – подопечные, сотрудницы Хэсэда, волонтеры и члены еврейской общины!

От всей души поздравляю вас с праздником. Желаю море цветов и улыбок, счастья и осуществления всех ваших желаний. Пусть в этот день весенними лучами вам улыбнутся люди и цветы. И пусть всегда идут по жизни с вами любовь, здоровье, счастье и мечты!

С уважением и любовью Дмитрий Сиваковский, директор „Хэсэд Дорот“.

Социальные услуги для подопечных (жертв нацизма) Хэсэда предоставляются при поддержке гранта от „Конференции по материальным претензиям еврейского населения к правительству Германии“.

Газета „Вместе“. Учредитель – Черкасский областной благотворительный еврейский фонд „Турбота поколений – Хэсэд Дорот“.
Редактор М. Тайбишляк. Компьютерная верстка – М. Тайбишляк, П. Тайбишляк.
Свидетельство о регистрации ЧС №294 от 24 ноября 2000 г.
Адрес редакции: 18015, Черкассы, ул. Б.Хмельницкого, 66.
☎ (0472)37-70-79, 54-41-48; 54-43-11. e-mail: nejnem20@gmail.com <http://hesed-dorot.ck.ua>
Отпечатано в типографии г. Черновбай. Тираж 800 экз.
Подписной индекс 90781.
При перепечатке материалов ссылка на газету обязательна. Распространяется бесплатно.

Наши спонсоры: Еврейская Федерация большого МетроВеста, Нью-Джерси и Международная общественная организация Центр „Джойнт“.

Просьба обращаться с этим изданием аккуратно – в нём приведены слова Торы.